

*А.В. Винобер**Фонд поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора
«Сибирский земельный конгресс», Иркутск, Россия*

ФИЛОСОФСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО МИКРОПСИХОАНАЛИЗА. ОЧЕРК ТРЕТИЙ. ДОМИНАНТА

«Введение» представляет собой субъективную подборку автором афоризмов и высказываний, использованных в качестве камертонов для развития темы «Доминанта» как основополагающего принципа в структуре и функционировании метода ГМПА. В главах «Герменевтика» и «Психоанализ» автор очерчивает круг своего субъективного понимания и восприятия герменевтики, как метода интерпретации, и психоанализа, как научной теории и социально-исторического явления. В главе «Доминанта» рассматривается учение о доминанте А.А. Ухтомского с позиций герменевтического микропсихоанализа. В «Заключительных замечаниях» подводя итог очерку, автор отмечает, что доминанта в учении А.А. Ухтомского это, по-преимуществу, физиологический механизм (орган, система), а мы (А.В.) рассматриваем доминанту как конструкт и объяснительный принцип в психологии и философии. Точнее – как объяснительный принцип в структуре метода герменевтического микропсихоанализа, ориентированного на применение в комплексе гуманитарных наук.

Ключевые слова: учение о доминанте, герменевтический микропсихоанализ, герменевтика, психоанализ, психологизм науки

1. Вместо введения.

1.1. Все начальные рассуждения, касающиеся метода герменевтического микропсихоанализа (ГМПА), представлены в следующих публикациях [13-17].

1.2. Настоящий очерк представляет собой вольные импровизации на уточнение отдельных аспектов и особенностей метода ГМПА с акцентом на применение учения о доминанте А.А. Ухтомского.

1.3. «Не думай низложить беса возражениями и доказательствами, - говорил Иоанн Синайский, - ибо он имеет многие убедительные оправдания как воюющий против нас с помощью нашего естества» [42].

1.4. «Доминанта – временно господствующая рефлекторная система, обуславливающая работу нервных центров в данный момент и тем самым придающая поведению определенную направленность. Учение о доминанте

создано А.А. Ухтомским. Как господствующий очаг возбуждения, доминанта суммирует и накапливает импульсы, текущие в систему нервную центральную, одновременно подавляя активность других центров. Этим объясняется системный характер и целенаправленность поведения организма: будучи рефлекторным по типу оно является активным, а не реактивным» [36].

1.5. «Никакое событие даже самое невероятное, не может противоречить вероятностному суждению. Противоречие может быть установлено только актом личной оценки, который отвергает определенные возможности как слишком маловероятные для того, чтобы быть истинными» [30].

1.6. «В сущности, мы являемся продуктами нашей собственной деятельности: посредством творимых нами репрезентаций мы трансформируем наши собственные формы восприятия и познания, способы видения и понимания» [12].

1.7. «Вся наука включает в себя «историческую популяцию» логически независимых понятий и теорий, каждая из которых имеет свою собственную, отличную от других историю, структуру и смысл» [40].

1.8. «Мир не имеет какого-нибудь одного смысла; он имеет бесчисленные, зачастую противоположные толкования и смыслы» [Ф.Ницше цит. по 18].

1.9. «Поле сознания во всякий данный момент ограничено, и охватывает лишь малую часть психической системы» [10].

1.10. «Изменения в эмоциональной сфере не всегда происходят в соответствии с изменениями когнитивных структур» [25].

1.11. «Нормальная наука часто подавляет фундаментальные новшества, потому что они неизбежно разрушают её основные установки... Нормальная наука обычно держится от творческой философии на почтительном состоянии» [24].

1.12. «Работа системы строится из большого числа скрытых звеньев, только периодически объединяющихся в систему. На микро и макроуровнях функциональной активности мозга, для широкого спектра видов деятельности, показано существование «скрытых звеньев» мозговых систем – структур мозга, которые включаются в системную работу мозга, не изменяя своего энергопотребления. Это позволяет говорить о феномене нового класса – «скрытых звеньев» мозговых систем» [29].

Ниже представлены краткие субъективные комментарии к вышеприведенным афоризмам и высказываниям, использованным в качестве камертонов для развития темы «Доминанта» как основополагающего принципа в структуре и функционировании метода ГМПА.

1.3.1. А.А. Ухтомский разрабатывал свое учение о доминанте на стыке нескольких наук: физиологии, философии, психологии, социологии и этики [42, 27]. Как человек глубоко верующий и окончивший Духовную академию, А.А. Ухтомский нередко использовал в качестве аргументации ссылки на духовно-религиозных авторов и полагал такую аргументацию вполне научной. Хотя, на мой взгляд, такая аргументация, глубоко метафорична, но и наука в целом, нередко основана на мнениях авторитетов (от науки) и часто использует метафоры самого разного рода и происхождения.

В данном случае (по моему субъективному разумению) А.А. Ухтомский использует яркое высказывание И.Синайского с целью подчеркнуть сокренность (латентность) глубинных мотивов и доминант, движущих поведением человека. В частности, возможно, он имел ввиду противостояние доминант биологической и социальной природы.

1.4.1. Определение доминанты, взятое из «Словаря практического психолога» вполне соответствует основному смыслу учения Ухтомского. Нет возражений по поводу системного характера и целенаправленного поведения организма в случае появления доминанты, но есть сомнение, что поведение «будучи рефлексорным по типу, оно является активным, а не реактивным». Мне думается, что в разной степени реактивность сохраняется и в

зависимости от силы воздействия внешних и внутренних факторов. Реактивность вполне способна подавлять активность, систематичность и целенаправленность поведения. Иначе, алгоритм доминанты действовал бы слишком примитивно и однозначно. На мой взгляд, существует трудно определяемое многообразие алгоритмов проявления доминанты, которое в случае доминанты поведения человека еще слишком мало исследовано, чтобы говорить об однозначной или управляемой целенаправленности поведения отдельных человеческих особей (индивидуумов) в самых различных ситуациях.

1.5.1. Майкл Полани в данном фрагменте подчеркивает вероятностную природу человеческого индивидуального суждения и, соответственно, человеческого поведения (хотя, на первый взгляд, суждение и поведение весьма разные ипостаси проявления человеческой психики, но в любом суждении можно отслеживать степень вероятности того или иного поступка, а совокупность поступков в значительной степени определяет человеческое поведение). Думаю, что доминанта также в значительной степени имеет вероятностную природу, как и свою неповторимую конфигурацию психофизиологической реализации.

1.6.1. Наши репрезентации во многом производны от довлеющих в нас доминант. Марк Вартофский в своем высказывании акцентирует на совокупном образе «Я-концепции», создаваемом нашими субъективными репрезентациями и творящими наше мироотражение и наши личные ценности.

1.7.1. Объемное высказывание Стивена Тулмина в данном случае приведено мной, чтобы подчеркнуть уникальность и неповторимость любого глубокого учения, такого, как учение о доминанте А.А. Ухтомского. А также высказать мысль о том, что история, структура и смысл учения о доминанте нуждается в более глубоком исследовании, развитии и разноплановой интерпретации.

1.8.1. Учение о доминанте помогает понять мир и наше место в нем, понять ранее недоступные и необъяснимые смыслы, создать новые сценарии толкования смыслов и путей обретения подлинного человеческого духовного бытия.

1.9.1. Исходя из суждения выдающегося методолога науки А.Богданова, можно прийти к выводу, что в поле сознания, несмотря на его естественную или социально обусловленную ограниченность, может существовать неизвестное число разной силы и конфигурации осознаваемых доминант. А вне поля сознания, число разнообразных доминант явно превосходит осознаваемые. И все эти маленькие и большие, сильные и слабые, новые и старые доминанты могут вступать во взаимодействие и противоборство, могут создавать временные и постоянные союзы, принимающие новые конфигурации. Это к тому, что понятие доминанты слишком редуцируется, примитивизируется в общепринятом (широко распространенном) научном мнении, и сводится к некой постоянно схеме целенаправленной «рефлекторной дуги»; когда на самом деле совокупный алгоритм доминанты может функционировать как довольно сложная сетевая структура с неизвестно большим числом участвующих элементов и связей.

1.10.1. Отталкиваясь от данной гипотезы Курта Левина, можно прийти к заключению о сложном взаимодействии эмоциональных и когнитивных структур, обуславливающих функционирование системного комплекса индивидуальных доминант в человеческом организме и человеческом поведении. Впрочем, разделение на эмоциональную сферу и на когнитивную структуру может оказаться слишком архаичным и примитивным. В единой гиперсети мозга [5] все эти сферы и структуры могут иметь теснейшие переплетения, как в виде когнитивных эмоций, так и в виде «чистых» когнитивных и эмоциональных сетей и алгоритмов.

1.11.1. «Нормальная наука» Томаса Куна в моем понимании – это господствующая традиция, устоявшееся научное мнение или общепринятая негласная конвенция, основанная на мнении доминирующих на данный

момент научных авторитетов. «Нормальная наука» нашего времени (конец XX начало XXI вв.) чаще всего игнорирует учение Ухтомского о доминанте, как и игнорирует учение об установке Узнадзе и многие другие плодотворные парадигмы и концепции, признавая их формально и весьма однобоко, примитивно и редуцировано. Но это отдельный разговор, о котором можно сделать только первоначальные рабочие гипотезы, которые, я надеюсь, удастся развернуть в настоящем цикле очерков.

1.12. «Скрытые звенья» мозговых систем, обнаруженные академиком С.В. Медведевым и его коллегами вполне могут быть связаны с сетевыми структурами доминант или даже быть ими – они вполне могут включаться в работу, не изменяя своего энергопотребления, периодически объединяться и менять свой состав и конфигурацию. Моя интуиция подсказывает, что механизм доминанты должен присутствовать в «скрытых звеньях» мозговых систем и определять их динамику и содержание.

2. Герменевтика.

2.1. Приведу для начала (еще раз) элементарное определение: «Герменевтика – 1) теория и искусство истолкования текстов; 2) философское учение об искусстве понимания «другого»; 3) метод интерпретации явлений субъекта, основанный на «внутреннем опыте» человека и его непосредственном восприятии жизненной ценности» [37].

Мое субъективное отношение к герменевтике: я, скорее, «поклонник» третьего варианта (герменевтика как метод интерпретации).

Первое впечатление от чтения В.Дильтея и Х.Г.Гадамера в 80-е годы XX века оказалось наиболее сильным и в значительной степени действует до настоящего времени. Причем, более ярко – Вильгельм Дильтей (и герменевтика, и понимающая психология, и все аспекты «философии жизни»).

М.Хайдеггера, как герменевта не воспринимаю изначально (философствующий поэт в стиле Велимира Хлебникова и средневековый схоласт, прорвавшийся в XX век). Ф.Шлеймахер и П.Рикер не произвели

особого впечатления. Впрочем, читал их 25 лет назад, и, видимо, не под тем углом зрения. То есть, более эмоционально, чем вдумчиво и аналитически.

Г.Шпет, несмотря на неоднократные попытки, также не позволил настоящему проникнуть в глубину своего герменевтического эпистолярия. Не могу пока обнаружить его «истинное лицо». Всё видится то Гегель, то Гуссерль (это, как читая В.Бибихина, не можешь избавиться от призрака М.Хайдеггера).

В последние годы, под влиянием Иосифа Левина и Валерия Григорьевича Кузнецова, пытаюсь заново осмыслить тексты Г.Шпета, но пока успехи весьма слабые.

Воспринимаю герменевтику как зависимый от философии метод гуманитарных наук, сочленяя и комплексируя его с методами социологии, психологии, этнологии, антропологии, лингвистики, психоанализа и системного анализа (не чураясь синергетики, семиотики и всего того, что позволяет глубже осуществлять декодирование смыслов гуманитарных, художественных и естественно-научных текстов). В определенной степени можно сказать, что в последние 10-15 лет герменевтика стала для меня одним из главных принципов философского отношения к прошлому, настоящему, будущему, к миру в целом и к собственному микромиру.

Для меня сейчас герменевтика – главный метод понимания и анализа мира и бытия. В общем, сплошной эклектизм, воинствующий дилетантизм и метафизический анархизм. Все это помогает наслаждаться жизнью мысли и собственным эфемерным присутствием в мире земного бытия.

2.2. К герменевтике психоаналитической, особенно в исполнении Альфреда Лоренцера, отношусь умеренно-скептически. Сомневаюсь в том, что формирование символов происходит не в бессознательном, а в сознании, как и сомневаюсь в том, что процесс социализации сильно зависит от формирования символов. Впрочем, здесь необходимо серьезное исследование с помощью реконструктивно-ретроспективного анализа без применения методов классического психоанализа.

К экспериментам французских экзистенциальных философствующих психоаналитиков пока также отношусь настороженно – очень сильное влияние З.Фрейда и М.Хайдеггера и французской классической беллетристики и поэзии. Но вы же, уважаемый читатель, понимаете – все это весьма субъективно и постоянно находится в динамике внутреннего эмоционально-ценностного восприятия. Сегодня мне симпатичен Бодрийяр, а завтра, может быть, я найду какое-то откровение у Ж.Лакана (исключая «возврат к Фрейду»).

2.3. Принято считать, что категорный статус пониманию придал Ф.Шлеймахер, понимавший его как процедуру обнаружения смысла текста в процессе его интерпретации, реконструирующей изначальный его замысел [1].

Вполне разделяю подход Стивена Тулмина: «Чтобы сосредоточить внимание на центральном элементе человеческого понимания, мы должны, в частности, спросить: каковы навыки или традиции, деятельность, процедуры или инструменты интеллектуальной жизни и воображения человека – словом, каковы понятия, в которых достигается и выражается человеческое понимание» [40].

2.4. «Мы осмысливаем мир, поскольку переживаем его», - так утверждал В.Дильтей [19].

Трудно с ним не согласиться, что внутренний, жизненный опыт – это первичный способ восприятия человеком реальности, и что именно психология – основа теории познания наук о духе. Самопонимание – главный инструмент переживания и сознания. Понимая себя, мы можем понять других.

Принято считать, что В.Дильтей перешел к герменевтической интерпретации, отказавшись от чисто психологического обоснования наук о духе. Я сильно сомневаюсь в этом, потому как историчность, психологизм и герменевтическая интерпретация позволяют создать оптимальный синтетический метод наук о духе или наук о понимании человека. По ряду

исходных позиций, учение А.Ухтомского (так мне видится) весьма близко герменевтике В.Дильтея.

2.5. Л.Г. Ионин пишет: «Дильтей никогда открыто не признавал, что психологическое обоснование наук о духе потерпело неудачу, но в последние годы жизни сосредоточился на разработке нового варианта «критики исторического разума», опирающегося на анализ собственно культурно-исторической действительности. Именно тогда Дильтеем была создана методология понимания как метода познания этой действительности» [21 цит. по 23].

Считаю, что психологическое обоснование наук ни тогда, ни сейчас никогда не терпело неудачу или поражение. Это просто миф, родившийся в лоне логицизма, формализма, позитивизма (Фреге, Рассел, Витгенштейн, Гуссерль и иже с ними). Как можно иначе обосновать человеческое познание, человеческое понимание и науки о человеческом духе, игнорируя психологию человека? Без психологии мы можем обосновать только формально-абстрактный мир автомата или искусственного интеллекта (в чем я сильно сомневаюсь, особенно в отношении последнего).

2.6. Также я не разделяю мнение В.Г. Кузнецова о том, что «Дильтей принципиально не мог объяснить диалектику духовной жизни общества и материальных условий, её созидających и являющихся её жизненным фоном... неадекватность методологической установки Дильтея ясно осознавалась многими представителями герменевтической философии. Так, в частности Х.-Г. Гадамер писал: «... Дильтей... не мог преодолеть робости к традиционной теории познания. Его исходный пункт, внутреннее бытие «переживаемого» не мог пробить мост к исторической реальности, потому что великая историческая действительность, общество и государство являются определяющими для каждого «переживания». Автовоспоминания и автобиографии – исходные пункты Дильтея – не являются предпосылками и недостаточны в качестве базиса для герменевтической проблемы. В действительности не история относится к нам, а мы относимся к ней. Мы

понимаем самих себя прежде всего в воспоминании, мы пониманием себя в семье, обществе, государстве, в которых мы живем» [18 цит. по 23].

Далее В.Г. Кузнецов оговаривается: «Но отсюда не следует, что герменевтическое предприятие Дильтея было бесполезным занятием. Его неудачи и слабости были неудачами и слабостями тех теорий познания, на которые он опирался. Психологизм не мог быть адекватным принципом методологии гуманитарных наук» [23].

В данном случае мне трудно понять, о каком психологизме идет речь. Скорее всего, это повторение известных афоризмов Готлоба Фреге, которые в свое время «подхватили» Л. Витгенштейн и Э.Гуссерль. Дильтей имел ввиду вовсе не такую психологию, которую ему приписывают оппоненты-современники. А отрицание Гадамером «внутреннего бытия переживаемого» - это признаки той же самой болезни анти-психологизма, которую он перенял от Э.Гуссерля через М.Хайдеггера. И «великая историческая действительность, общество и государство» позиционируемые Гадамером вместо дильтеевского «внутреннего бытия переживания» - это старый «перл» Георга Гегеля (на мой взгляд, субъективный анархизм, а не объективная реальность). Повторение В.Г. Кузнецовым, нашим замечательным герменевтом, фрегевской фразы о том, что психологизм не мог быть адекватным принципом «методологии гуманитарных наук» - это некритическое принятие позитивистского мифа. Тем, кто не воспринимает мое отношение к вышесказанному, рекомендую параллельное компаративное чтение В.Дильтея [19], Х.Г.Гадамера [18], М.Полани [30] и Н.Бердяева [8]. В работе М.Полани развернута идея психологического подхода В.Дильтея (так мне прочиталось и увиделось), а в замечательной книге Н.Бердяева продемонстрирован великолепный образец самопсихоанализа философа и личности сквозь призму исторического контекста. Именно то, что имел ввиду Дильтей и то, что отрицают М.Хайдеггер и Х.-Г.Гадамер.

Поэтому категорически возражаю В.Г. Кузнецову: психологизм (в понимании В.Дильтея и М.Полани) может быть и должен быть основным принципом методологии гуманитарных наук.

2.7. В дополнение к предыдущему: по Гадамеру, предрассудки в гораздо большей степени, чем рефлексия, суждения и т.п. составляют историческую действительность бытия человека [18].

Задайте себе элементарный вопрос: разве предрассудки, да и сама рефлексия – это не психологические явления?

М.Полани: «Я показал, что в каждом акте познания присутствует страстный вклад познающей личности и эта добавка – не свидетельство несовершенства, но насущно необходимый элемент знания. Вокруг этого центрального факта я попытался создать систему согласованных взглядов, которых искренне придерживаюсь и для которых не вижу никаких альтернатив» [30].

Н.Бердяев: «Понимание и познание возможно лишь потому, что человек есть микрокосм, что в нем раскрывается универсум и что судьба моего «я» есть вместе с тем и судьба универсума... познает не трансцендентный субъект, не универсальный разум, как учил германский идеализм, а конкретный человек с известной душевной структурой, с зависимостью от социальных отношений людей» [8].

2.8. Завершая тему психологизма и отрицания его в герменевтическом методе (или герменевтической философии). В.Г. Кузнецов: «Мысль Э.Гуссерля о том, что психологизм во всех формах есть релятивизм, была услышана и получила соответствующую оценку в логико-методологических исследованиях. В России антипсихологическую программу поддерживают многие философы. Можно сказать, что на рубеже XIX и XX вв. складывается особая антипсихологическая парадигма, к представителям которой относятся философы и методологи, считающие, что психологизм в любых формах своего проявления нивелирует специфику логики, философии, методологии науки, сводит их к особенностям психологических методов» [23]. И далее о

том, что Г.Шпет противоречит собственным антипсихологическим установкам (как считает В.Г. Кузнецов) (потому что Шпет глубоко знал психологию, видел вред, наносимый принципом психологического редуccionизма).

Что здесь можно сказать?

Уважаемый В.Г. Кузнецов практически полностью игнорирует достижения российской философии начала XX века, связанные с сильным влиянием психологизма. Помимо Н. Бердяева, это Н.О.Лосский, Л.И. Шестов, И.И. Лапшин, Л.М. Лопатин и многие другие. Это философская теория естественного права Л.И. Петражицкого, построенная на психологическом фундаменте и получившая мировое признание многих философов и юристов. Кроме прочего, и учение А.А. Ухтомского о доминанте, имеющее базисную психологическую ориентацию.

2.9. Возвращаясь к Полю Рикеру. Самый перспективный момент его герменевтического подхода (на мой субъективный взгляд) содержится в дискурсе «метафоры и интриги» (поэзия и история), позволяющем заглянуть в глубокие пласты значений и смыслов (в чем я обнаруживаю влияние на П.Рикера философии В.Дильтея и А.Бергсона) [32, 35].

2.10. И все таки, главное (то, что было всегда главным в понимании с античных времен) – это вживание во внутренний мир автора, в дух его времени, в его биографию, плюс наиболее полная историческая реконструкция условий и предпосылок создания конкретного текста (или, как у М.М. Бахтина – конкретного поступка [7]).

При всем этом не забывая, что ни один фрагмент текста и ни один поступок личности не может быть прочитан «раз и навсегда».

Рефлексия и новая информация могут вносить весьма существенные коррективы в однажды познанное и увиденное.

3. Психоанализ.

3.1. Несмотря на сильную (доминантную) ориентацию на духовные и этические смыслы и ценности, А.А. Ухтомский довольно положительно

относился к учению З.Фрейда, и, вероятно, считал его вполне научным и объективным явлением.

Поскольку в методе герменевтического микропсихоанализа (ГМПА) я также отталкиваюсь от психоанализа З.Фрейда, как классики психоанализа, то целесообразно очертить круг моего субъективного понимания и восприятия психоанализа, как научной теории и социально-исторического явления.

3.2. Моя позиция по отношению к психоанализу в определенной степени совпадает с позицией известного отечественного философа и исследователя психоанализа Алексея Михайловича Руткевича, который еще в 1985 году выпустил в свет замечательную книгу «От Фрейда к Хайдеггеру», которая и до сих пор является одним из лучших текстов для знакомства с психоанализом и его отражением в философии XX века.

Как считает А.М. Руткевич: «Одним из наиболее влиятельных в странах Запада социально-философских учений является психоанализ. В советской критической литературе имеется немало работ, в которых убедительно показано, что претензии последователей З.Фрейда на то, что ими отстаивается единственно верное учение о человеке, совершенно несостоятельны... В 60-е годы (XX в.) формируется, если можно так выразиться, движение к переосмыслению психоанализа с экзистенциальных позиций, представленное несколькими тысячами психологов, психиатров и психотерапевтов... так как сторонниками экзистенциального психоанализа написано необозримое количество книг и статей, мы остановимся на работах только наиболее известных европейских и американских теоретиков» [33].

К сожалению, у меня нет сейчас такой возможности, чтобы подробно рассматривать аналитический разбор Руткевича последователей и оппонентов З.Фрейда, представленный в издании 1985 года. Скажу только что наибольшее впечатление на меня произвели аргументы Л. Бинсвангера и В.Франкля.

Ниже я представляю несколько фрагментов из более поздней работы А.М. Руткевича.

3.3. «Психоаналитическая теория истолкования сопоставляется с историко-филологической и философской герменевтикой. В качестве примера синтеза – рассмотрение «глубинной герменевтики» психоанализа Лоренцера» [34].

3.4. Фрейд отталкивался от естествознания XIX в. и был воспитан в физиологической лаборатории... Знаки у Фрейда имеют заранее установленное значение. У Юнга символы многозначны (через конечное передается бесконечность смысла). У Фрейда символ – это испытание, деформация. У Фрейда – нескончаемая борьба. У Юнга – единство сознательного и бессознательного [34].

3.5. Психоанализ (как искусство понимания) мог бы играть свою роль эффективной психотерапии, выполнять свою главную задачу, не претендуя на роль строгой науки, ни на роль оригинальной философской антропологии [34].

3.6. Естественно, что отдельные случайные фрагменты из работ А.М. Руткевича только отдаленно характеризуют всю выполненную работу по анализу явления классического психоанализа с философско-герменевтических позиций. Но я выбрал эти фрагменты потому, что они наиболее ярко отражаются в моем восприятии фрейдовского учения и его дальнейшей эволюции. Уже Юнг, Адлер, Райх и Фромм (как самые известные последователи Фрейда) существенно расходились по многим принципиальным моментам понимания психоаналитического механизма (с самим Фрейдом и между собой). Возможно, что и здесь играли роль «психологический релятивизм и редукция».

Я не совсем согласен с А.М. Руткевичем по вопросу позиционирования З.Фрейда как выросшего в физиологической лаборатории и склонного к естественнонаучному мышлению. На мой взгляд, З.Фрейд предельно мифологичен и метафизичен в построениях своей теории, не чурается

интерпретации библейских мифов по своему усмотрению, уделяя основное внимание созданию мифологической метатеории психоанализа.

3.7. Если говорить откровенно, то я воспринимаю Зигмунда Фрейда, в основном, не как опытного психоаналитика (психотерапевта) и ученого-исследователя (в позитивно-позитивистском смысле). Клинический и лабораторный стаж (опыт) у З.Фрейда занимает значительно меньшую часть, чем опыт и стаж метафизического теоретика, философа, культуролога и популярного беллетриста. Фрейд почти никогда не акцентировал внимание на том, что идею пансексуализма он заимствовал у психиатра Шарко во время стажировки в Париже в 1885-1886 гг.. Он не любил вспоминать, что идею бессознательного он заимствовал у Артура Шопенгауэра и Эдуарда Гартмана, написавшего монографию «Философия бессознательного» еще в 1869 году (З.Фрейду было тогда 13 лет и он еще не помышлял о психоаналитической карьере).

При герменевтическом анализе текстов З.Фрейда, прежде всего, бросается в глаза его многосторонняя начитанность и знание философской литературы и обилие библейско-античных сюжетов, наличие постоянного культурологического контекста, который легко дрейфует от светского к религиозному, владение стилем более популярным, чем научно-популярное изложение своих идей, фантазмов, конструкторов и гипотез. Безусловно, это большое искусство: используя смутные воспоминания своего раннего детства, создать целую, якобы, научную теорию и развить её уровня всепроникающей парадигмы «единственно верно» объясняющей природу отдельного человека и всего общества в целом. В этом отношении З.Фрейд оказался действительно гениальным мастером, как и в продвижении своих идей и фантазмов в широких кругах западного общества (да и в России его идеи имели и имеют весьма основательную популярность).

И все таки, я бы назвал З.Фрейда создателем уникальной психотерапевтической школы мирового значения. Как отмечает А.Сосланд: «История психотерапии – это история желаний психотерапевтов создавать

свои школы... Существует постоянный соблазн создания метода, борьбы за распространение идей, соблазн превращения метода в развернутую идеологическую систему, в купе с техникой её преподнесения» [38].

Мало кто избежал этого соблазна, если говорить условно, от Сократа, Платона и Аристотеля до Декарта, Спинозы, Гегеля, Гуссерля и Фрейда (не говоря о том, что этот список можно продолжать бесконечно). Возможно, что это некий древний архетип коллективного и индивидуального бессознательного человека. З.Фрейд один из немногих, кто имел колоссальный успех на этом поприще.

3.8. Как отмечал один из неистовых последователей З.Фрейда, перенявший от последнего идею пансексуализма и развивший её до всех мыслимых пределов (я имею ввиду В.Райха): «Стремление человека отмежеваться от своих биологических истоков нашло отчетливое и полное выражение в двух процессах: социальном и психологическом... Стремление к свободе – это и есть проявление подавленной биологической структуры человека... и «возвышенные стремления» человека, суть ни что иное, как биологическое развитие его сил («воля к жизни», «воля к власти» - А.В.)» [31].

Понятие сексуальной энергии как космической «оргонной» энергии В.Райха – это, собственно, высшая точка развития психоанализа З.Фрейда (о чем большинство психоаналитиков и исследователей психоанализа предпочитают умалчивать). И хотя многие считают В.Райха «отцом» сексуальной революции 60-х годов XX века, имевшей место в развитых странах Запада (в первую очередь – в США), тем не менее, в его теоретических построениях было немало и здравых идей, особенно – его интерпретация фашизма, как невротического феномена.

3.9. Карл Густав Юнг, швейцарский психолог и культуролог, один из ближайших соратников З.Фрейда, пожалуй, один из первых подверг критике пансексуализм Фрейда и дал совершенную иную трактовку либидо и бессознательного.

Аналитическая психология Юнга, уделявшего основное внимание бессознательному, во главу которого Юнг поставил конструкт «архетипа», содержит еще больше метафизического и мистического, чем психоанализ Фрейда. Аналитическая психология Юнга, в научно-психологическом и прикладном плане, на мой взгляд, все таки менее мифологична и более богата конструктивным позитивом, чем классический психоанализ Фрейда. В данном случае я не собираюсь детально анализировать и сравнивать эти психоаналитические парадигмы и приведу только несколько примеров из Юнга.

3.9.1. «Безмерно древнее психическое начало образует основу нашего разума точно также, как строение нашего тела восходит к общей анатомической структуре млекопитающих... Архетипы не имеют определенного происхождения: они воспроизводят себя в любое время и в любой части света... Подлинная история развития человеческого сознания хранится не в ученых книгах, она хранится в психической организации каждого из нас» [50].

3.9.2. Архетипы проявляются в практическом опыте: они являются одновременно и образами, и эмоциями... Можно говорить об архетипах только в том случае, если одновременно существуют оба эти аспекта... Архетипы оживают только в том случае, если мы терпеливо стараемся выяснить, почему и каким образом они являются значимыми для живущего индивида. Простое употребление слов бессмысленно, если вы не знаете, что за ними стоит» [49].

3.9.3. «Синхронистичность – это современный и модернизированный вариант устаревшей концепции соответствия, взаимопонимания и гармонии... Слишком много поставлено на карту и слишком много зависит от психологического состояния современного человека... Никакой исследователь, каким бы непредвзятым и объективным он ни был, все таки не может позволить себе не учитывать собственные комплексы, поскольку те обладают не меньшей автономией, чем комплексы всех остальных людей...

В этом и заключается неизбежная ограниченность психологического наблюдения: его ценность пропорциональна личным качествам наблюдателя» [51].

3.10. Из классиков психоанализа Альфред Адлер мне менее всего знаком и понятен.

Я вполне разделяю его критику фрейдовского пансексуализма и бессознательного, как детерминирующего поведение людей. Но все же, мне думается, что Адлер чересчур уменьшает значение бессознательного и идеализирует фактор сознательного и социального.

Влияние детства на «жизненный стиль» человека, безусловно, имеет место. Но какова степень этого влияния в контексте «вторичной» социализации? Неужели «жизненный стиль», сформированный в детстве, не может подлежать коррекции и трансформации в последующие возрасты (юность, зрелость, старость)? Социальная направленность влечений человека, на мой взгляд, далеко не всегда обуславливает поведение человека, как и есть типы и характеры, по преимуществу, асоциальной направленности [2, 3].

3.11. Эрих Фромм – наиболее яркая персона неопрейдизма. Его гуманистический психоанализ обладает некоторыми, на первый взгляд, утопическими чертами. Но это связано, прежде всего, с личностными характеристиками. Э.Фромм – одновременно страстный проповедник своих идей гуманистического и экзистенциального содержания, эмигрировавший в Северную Америку от пришествия фашизма, и один из немногих психоаналитиков, пришедших к идеям марксизма через психоанализ. Причем марксизм Фромма – это творчески переработанный образ экзистенциального и личностного учения, весьма далекого от своей ортодоксальной версии.

«Анатомия человеческой деструктивности» Эриха Фромма – одно из самых ярких социально-психологических и психоаналитических произведений XX века. Но в ней избыточен пафос социальности и гуманизма, игнорирующий биологические детерминанты человека и роль

бессознательных механизмов в его поведении. При этом, Э.Фромм довольно адекватно оценивает филогенетическое развитие человеческой психики и поведения, вопреки своим отдельным страстным возражениям по поводу биологической предопределенности и агрессивной сущности человека [44].

Квинтэссенция учения Э.Фромма: «Каждый человек заключает в себе все возможности человеческого бытия; внутри каждого из нас живут и святой и преступник... не существует в другом человеке ничего такого, что мы не смогли почувствовать как часть нашего собственного внутреннего мира» [45].

3.12. Эрик Эриксон: «Потребность человека в психосоциальном тождестве коренится в его социогенетической эволюции... Человек, как биологический вид выжил, будучи подразделен на группы, которые я называю псевдовидами (отдельные стаи или племена, классы, нации; религиозные общества - (каждое) стало считать себя единственным и настоящим представителем человечества, а всех остальных – странным и непонятным изобретением какого-нибудь незначительного божка (иллюзия избранности укреплялась собственной мифологией)... Мировые войны показали, что представления псевдовидов может привести к гибели всего человечества как вида, поэтому до создания универсальной технологии необходимо сформировать универсальную человеческую идентичность» [48].

Надо ли говорить, что это философское кредо психоаналитика Эриксона, как никогда актуально для нашего бифуркационного периода в жизни человечества (2024 г.)?

Серия гибридных войн современности имеет тенденцию в любой момент перерасти в третью мировую войну, последствия которой трудно представить, но ужас и потери в этой войне будут как минимум на порядок выше, чем во второй мировой войне. И надо сказать откровенно, что главный инициатор возможной мировой войны – это элита США, превратившая свою страну в подлинную империю Зла, диктующую свои патологические интересы всему остальному миру.

3.13. Учение Э.Эриксона привлекает прежде всего серьезной попыткой возрастной классификации психологической эволюции индивидуума и перенесением акцента с детства на юношеский возраст, в котором происходит социальное становление личности. Введение конструкта «юношеского кризиса идентичности» весьма адекватно описывает ситуацию социализации и выбора ценностных ориентиров в юном возрасте.

Восемь стадий развития идентичности представляют собой схему развития человека на протяжении всей жизни. Из них 5 стадия – 11-20 лет – ключевая для приобретения идентичности. В итоге преодоления всех возрастных кризисов, поднимаясь над уровнем идентичности, человек приобретает редкостную способность быть самим собой [48].

Не трудно заметить определенную тенденцию психоанализа Эриксона к солидарности с идеями и ориентирами гуманистической психологии А.Маслоу.

3.14. Все выше перечисленные авторы и существующие психоаналитические концепции (в каждом случае выборочно и фрагментарно) служат основанием метода герменевтического психоанализа. Эклектизм в этом отношении вполне сходен с прагматизмом. Он позволяет конструировать схемы и модели при использовании самых различных идей, учений, концепций, опираясь при этом на ясную мировоззренческую парадигму жизненного опыта и научного потенциала самого автора, использующегося и развивающего субъективный метод герменевтического микропсихоанализа, ориентированный на изучение, анализ и герменевтическую интерпретацию текстов (в основном – гуманитарного направления) с учетом психобиографической характеристики создателя конкретного текста.

3.15. Разумеется, за бортом нашего конкретного эссе оказались многие авторы и их теоретические конструкты и модели, которые (в определенной степени) будут рассмотрены в последующих очерках.

4. Доминанта.

4.1. Элементарное определение: «Доминанта – временно господствующая рефлекторная система, обуславливающая работу нервных центров в данный момент и тем самым придающая поведению определенную направленность» [37].

4.2. «Нормальное отправление органа (например, нервного центра) в организме есть не predetermined, раз и навсегда неизменное качество данного органа, но функция от его состояния» [42].

В данном случае, по моему субъективному разумению, А.Ухтомский говорит о том, что функционирование нервного центра всегда носит динамический и вероятностный характер в зависимости от результирующей внешних и внутренних факторов (раздражителей), достигающих (входящих) нервного центра. Такую же природу имеет сочетание и результирующая процессов возбуждения и торможения, в каждом отдельном случае принимающая уникальную конфигурацию, обуславливающую алгоритм ответа (направленности) нервного центра.

4.3. «Приписывание топографически определенному центру всегда одной и той же неизменной функции есть лишь допущение, делаемое ради простоты рассуждения» [42].

В данном случае мы имеем подтверждение и уточнение п.4.2., а именно: схема алгоритма условного рефлекса (и безусловного также) - есть лишь крайняя форма редукции, позволяющая абстрагироваться от реального вероятностного ответа нервного центра, имеющего более сложную структуру и конфигурацию взаимодействия внутри самого нервного центра, которые обеспечивают в итоге (каждый раз) нетривиальный, практически неповторяющийся одинаково, ответ нервного центра. При этом базовый (каркасный) алгоритм обладает общей схемой действия и результата, что и служит основанием редуктивного понимания и представления, который позволяет отбрасывать каждый раз специфику уникальности и

неповторимости реакции нервного центра и последующих поведенческих действий организма.

4.4. «... очаги возбуждения, отвлекая на себя вновь возникающие волны возбуждения и тормозя другие центральные приборы, могут существенно разнообразить работу центров... Господствующий очаг возбуждения, предопределяющий в значительной степени характер текущих реакций центров в данный момент, я стал обозначать термином «доминанта». При этом я исходил из убеждения, что способность формировать доминанту является не исключительным достоянием коры головного мозга, но общим свойством центров; так что можно говорить о принципе доминанты как общей *modus operandi* (образ действия) центральной нервной системы (я употребляю этот термин в смысле Авенариуса: «В конкуренции зависимых жизненных рядов один из них приходится рассматривать как доминанту для данного момента, в направлении которой определяется тогда общее поведение индивидуума»)» [42].

В данном случае, грубо говоря, торможение, возникающее в спинном мозге, может нейтрализовать доминанту, наличествующую в данный момент в коре головного мозга и определяющую импульсы, поступающие в сознание и формирующие образ ответа (схему алгоритмической реакции организма). В случае нарушения стабильных нейронных связей (органического или психосоматического содержания) доминанта центральной нервной системы может деформироваться, трансформироваться и искажаться до неузнаваемости (т.е. отталкиваясь от естественной реакции, переходит порой в полную противоположность и неестественность), что регулярно наблюдается в случаях поражения головного мозга и ЦНС при различных заболеваниях и травмах. В таких случаях мы имеем факты проявления самых разнообразных, неповторимых («девиантных») доминант, обуславливающих патологическое поведение организма и индивидуума.

Отталкиваясь от определения Авенариуса, мы всегда имеем ситуацию уникальной конкуренции жизненных рядов (совокупность нервных реакций

организма), которая в каждый момент жизнедеятельности организма (индивидуума) определяет неповторимый (или внешне тривиальный) рисунок поведения индивидуума.

4.5. «Считая доминанту особым органом, Ухтомский утвердил понимание органа как функциональной системы, а не морфологически неизменного образования. Решающее значение он придавал принципу «истории системы», ритм функционирования коей воспроизводит ритм внешних воздействий. Благодаря этим воздействиям нервные ресурсы ткани в оптимальных условиях возрастают, а не истощаются. Общее направление развития системы нервной идет в сторону срочности сигнализации и управления. Она отражает предметы внешней среды в их пространственно-временном единстве, благодаря нераздельности пространственно-временных параметров своей деятельности (концепция хронотопа, сложившаяся под влиянием теории относительности Эйнштейна). Особая человеческая доминанта, которую Ухтомский противопоставлял индивидуалистическому мировоззрению, - «доминанта на лицо другого» [36].

В этом фрагменте бросается в глаза несколько несуразностей и слабых мест в трактовке явления доминанты, скорее не Ухтомским, а его некритичными последователями.

4.5.1. По пониманию доминанты как органа функционального – пока, на данный момент, нет принципиальных возражений. Но, на мой взгляд, теория доминанты как функциональной системы в настоящее время является недостаточно развитой. Хотя в этом существует самая настоятельная необходимость и в физиологии ЦНС, и в нейрофизиологии, и в психологии, социологии, синергетике, системном анализе, не говоря уже о философском осмыслении и развитии.

4.5.2. «Принцип истории» также недостаточно развернут как самим Ухтомским, так и его последователями. Например, П.К. Анохин в своей концепции функциональной системы, изложенной в монографии «Биология и нейрофизиология условного рефлекса» [6], развивая конвергентную

теорию процессов памяти, подчеркивает, что «истинное замыкание условно-рефлекторной связи – это в конечном итоге всегда тонкий, протоплазматический процесс» [9].

Мне думается, что замыкание условно-рефлекторной связи, так же как и процесс формирования и функционирования доминанты – это, в первую очередь, формирование информационно-генетического, энергобиохимического сигнала, который включает (иногда почти мгновенно) алгоритмические (фило- и онтогенетические) механизмы протоплазматической реакции и автоматизм нейрогуморальной регуляции.

4.5.3. «Принцип истории» весьма размыт: какова «глубина» этого принципа? Точка отсчета? Точка качественного перехода к «новой истории» доминанты? В каких пропорциях и взаимосвязях учитывается взаимодействие и взаимовлияние филогенетических и онтогенетических образований (элементов) нейросистемной доминанты?

4.5.4. Почему-то акцент формирования и функционирования нейродоминанты сводится к внешним воздействиям «на нервные ресурсы ткани». В то время, как у человека велика роль «второй сигнальной системы» и «внутренней саморегуляции». Здесь практически резко возвышается значение реактивности и умалется значение активности индивидуума.

4.5.5. Концепция хронотопа, на мой взгляд, достаточно упрощенная, редуцированная форма, не учитывающая ряд параметров объективной и субъективной реальности, хотя бы потому, что сама теория относительности Эйнштейна выглядит весьма метафизической конструкцией, имеющей мало реальных подтверждений в макром мире, а в случае мозга и сознания – мы имеем дело с микромиром, а также с синкретичным единством объективной (внешней) и субъективной (внутренней) реальности. О последней, на настоящее время, еще недостаточно убедительных представлений и серьезно развитых моделей. Как утверждает Д.И. Дубровский (наш главный российский философ по проблемам субъективной реальности): у нас нет четких объяснений связи субъективной реальности с мозговыми процессами,

нет убедительных объяснений, как субъективная реальность причинно действует на телесные процессы; у нас нет объяснения феноменов произвольных действий и свободы воли, и как совместить их с детерминизмом мозговых процессов? Нет объяснения возникновения самого качества субъективной реальности в процессе эволюции [20].

4.5.6. По моему глубокому субъективному мнению, индивидуалистическое мировоззрение и «доминанта на лицо другого» не являются противостоящими феноменами сознания человека разумного. В процессе эволюции они всегда развивались параллельно, и это противопоставление можно объяснить только «коллективистской идеологией» исторической эпохи и динамикой социально-этических и нравственно-ценностных установок и доминант.

4.6. «Этот удивительный аппарат, представляющий собой множество переменных, калейдоскопически сменяющихся органов предупредительного восприятия, предвкушения и проектирования среды, и есть головной мозг. Процесс же смены действующих органов достигается посредством образования доминанты и торможения прочего мозгового поля» [42].

4.6.1. В этом фрагменте А.А. Ухтомский весьма ярко отображает механизм взаимодействия головного мозга и доминанты. Если воспроизвести его высказывание образно-метафорически, то возникает картина молнии в грозовом небе. Место появления молнии происходит в очаге формирования доминанты. Конфигурация молниеносного разряда обусловлена цепным рефлексом (алгоритмом) взаимосвязанных с доминантой участков, где проходят нервные импульсы, обуславливающие электрическую разрядку или акт завершения действия доминанты (исчерпание его частичного или полного доминирования).

4.7. «Пока доминанта в душе ярка и жива, она держит в своей власти всё поле душевной жизни... Доминанта характеризуется своей инертностью, т.е. склонностью поддерживаться и повторяться по возможности во всей своей цельности. При всем том, что внешняя среда изменилась, и прежние

поводы к реакции ушли. Доминанта оставляет за собой в центральной нервной системе прочный, иногда неизгладимый след» [42].

4.7.1. В настоящем фрагменте (4.7) А.А. Ухтомский выражает эффект последствия доминанты, связанный с различной степенью инертности угасания доминантного очага возбуждения. Метафорически это хорошо визуализирует «принцип позднего зажигания» или наш любимый студенческий афоризм: «Лучше поздно, чем никогда! - сказал Мустафа, положив голову на рельсы, глядя вслед уходящему поезду».

А если говорить всерьез, то в данном случае А. Ухтомский очень сжато формулирует важнейшую психофизиологическую проблему нашего сознания и нашей психосоматики: сочетание механизмов возбуждения, торможения, наложения взаимного параллельных или антагонистических нервных импульсов, опережения и запаздывания реакций, степень мобильности и адекватности ответа психики на внешние и внутренние воздействия путем формирования новой результирующей доминанты.

4.8. «Цепной рефлекс есть целый комплекс связанных между собой во времени реакций, направленных в своей последовательности на ... известный разрешающий акт. Он является достаточно обособленною по своей организации и способною поддерживать самое себя цепью возбуждений, пока не достигнуто окончательное разрешающее возбуждение» [42].

4.8.1. Понятно, что А.А. Ухтомский говорит здесь о физиологических реакциях, наблюдаемых на лабораторных животных (опыты 1910 г.). Но на мой субъективный взгляд, эффект или феномен цепной реакции рефлексов так же во многом характерен для человека, особенно для психофизиологических реакций, где ведущую роль играют «древние» рефлексy, т.е. более ранние в филогенетическом отношении, которые образуют цепь взаимосвязанных алгоритмов, включающихся друг за другом в жесткой последовательности. Именно эти «цепные рефлексy» формируют базовые поведенческие стереотипы человека, включая вновь приобретенные психофизиологические «зависимости». На такого рода «цепных реакциях» (в

кавычках, потому что я употребляю этот термин в данном случае как метафору) может успешно базироваться теория мотивационного поля, как функционального органа ЦНС и психики. Например, в случае развития наркотической зависимости, где влияние наркотических веществ на эмоциональную и волевую сферы человека будет реализовываться на базе химически (на клеточном уровне) обусловленной реакции вновь приобретаемого «цепного рефлекса» [22].

Такого рода вновь приобретенные цепные рефлексy, более сильные или более слабые, формируются и становятся хроническими и бессознательными автоматическими (доминантными) алгоритмами психики индивидуума в течение всей его жизни.

4.9. «Приложение принципа доминанты к изучению инстинктов еще ждет своей очереди» [42].

4.9.1. В данном случае (4.9) хорошо прослеживается взаимосвязь с фрагментом 4.8. По-существу, инстинкт, есть врожденная устойчивая (доминирующая) цепная реакция рефлексов, имеющая жесткую последовательность автоматических алгоритмов нервной системы. Инстинкты по своему происхождению, как правило, древние филогенетические механизмы, имеющие жесткую алгоритмическую последовательность психофизиологической реакции, являющиеся латентными, «дремлющими» доминантами психики человека. При появлении определенного признака (воздействия, раздражения) или комплекса признаков, которые филогенетически комплементарны конкретному инстинкту происходит практически мгновенное включение латентной («дремлющей») доминанты, вызывающей цепную реакцию рефлексов, практически без осознания и волевой регуляции индивидуумом.

Поэтому, вполне целесообразно изучать инстинкты, как «древние» латентные доминанты, имеющие жесткую алгоритмическую структуру ответа организма на конкретное экстремальное внешнее воздействие.

4.10. «Психологический анализ в конечном счете направлен на ту же задачу, что и физиологический: на овладение человеческим опытом, на овладение самим собой и поведением тех, с кем приходится жить» [42].

4.10.1. Мне думается, что в данном случае (4.10) А.А. Ухтомский высказывает мысль о том, что любой психоанализ базируется на психофизиологическом природном фундаменте. И подавляющее большинство психических (поведенческих) реакций имеет в своем основании физиологический механизм, что в значительной степени предопределяет доминанту бессознательного в психике и поведении человека. Сознание и волевая регуляция поведения, условно говоря, «верхушка айсберга» гиперсистемы головного мозга.

4.11. «Старая доминанта возобновляется или для того, чтобы при новых данных обойтись при помощи старого опыта, или для того, чтобы по новым данным переинтегрировать старый опыт» [42].

4.11.1. В случае фрагмента 4.11. мы имеем дело с первичным обобщением и определенной редукцией. Все «старые» и «древние» доминанты могут иметь свою четкую и последовательную хронологию формирования и «встраивания» в психику. Вполне вероятно, что они могут иметь и определенную иерархию – приоритет доминирования среди доминант. И в этом отношении, как психофизиология, так и психоанализ, имеют перед собой широчайшее поле экспериментальных и прикладных исследований, направленных на выявление временной и ситуативной иерархии и взаимодействия «старых» и «древних» доминант в единой гиперсети с «новыми» и «новейшими».

4.12. «Отнюдь не сила возбуждения в центре, а именно способность к дальнейшему увеличению возбуждения под влиянием приходящего импульса может сделать центр доминантою» [42].

4.12.1. В данном случае (4.12) А.А. Ухтомский делает акцент на постоянной динамике соотношений доминант в нервной системе, в зависимости от качественных и количественных характеристик поступающих

импульсов, которые могут суммироваться в различных конфигурациях, создавая эффект «перетекания» доминантной роли к новым очагам возбуждения или торможения. Динамика пульсации и «перетекания» доминант во многом может зависеть от комплементарности поступающих импульсов инстинктивной саморегуляции нервной системы, а также от степени развитости волевой регуляции и сублимационных доминант сознания.

4.13. С фрагментом 4.12 хорошо сочетаются исследования профессора В.Н. Ананьева, направленные на формирование «доминанты гипноза».

В.Н. Ананьев отмечает, что у человека смена доминант и их формирование и удовлетворение имеют очень сложный характер. В случае формирования доминанты гипноза (формирования сразу и надолго по приказу гипнотизера, она сразу же подавляет и превосходит все остальные доминанты [4]). Вопрос о том, как долго может существовать «доминанта гипноза» и каковы её последствия для психики человека?

Но трудно согласиться с утверждением профессора В.Н. Ананьева, что у животных нет рефлекса цели, который имеется только у человека (причем у человека, по мнению В.Н. Ананьева, имеется безусловный рефлекс цели). По нашему субъективному убеждению рефлекс цели (как условный, так и безусловный) имеется у всех высокоорганизованных животных, но только он формируется без участия «второй сигнальной системы», и, соответственно, все высокоорганизованные животные обладают своим сознанием и своей субъективной реальностью, которые весьма существенно отличаются от человеческих, и в настоящее время мы не обладаем техническими методами их адекватной репрезентации и декодирования.

4.14. Вполне согласен с А.С. Ткаченко, Д. О. Ивановым и Е. Н. Березкиной заявляющими, что «учение А.А. Ухтомского о доминанте – одно из самых значимых в развитии психофизиологии XX века» [39]. Хочу только добавить, что роль учения Ухтомского о доминанте имеет еще большее

значение для XXI века, особенно в психологии и философии, а также в синергетике и методологии гуманитарных наук.

Как и вполне согласен с вышеназванными авторами в том, что «мы видим мир и других людей сквозь собственные доминанты и что всё в мире, что не затронуто нашим доминантами – проносится мимо». Но вовсе не согласен с утверждением о том, что «сквозь собственные доминанты мы получаем некоторую абстракцию вместо объективного мира» [39], потому что в любом случае, мы никогда не получаем объективного мира, а всегда имеем неповторимую субъективную реальность.

4.15. Шакурова А.Р., рассматривая влияние доминант на направленность поведения и познания, приходит к выводу, что «сложное взаимодействие доминант приводит к борьбе мотивов в психике человека и к важной регулирующей роли волевых действий» [47]. И что воспитание воли, понимание механизмов волевых действий, понимание значения и функций доминант позволяет осуществлять создание и управление доминантами, их направленностью и силой [47].

Исходя из собственного многолетнего опыта изучения волевой регуляции в спорте и других видах деятельности, я только частично могу согласиться с этими утверждениями. Потому как, многие доминанты, определяющие самые различные аспекты нашей жизнедеятельности, скрыты от нашего осознания, и нередко имеют глубокие фило- и онтогенетические корни, вследствие чего нам всегда недоступен реальный механизм взаимодействия и влияния наших латентных физиологических и психологических доминант. Сознание часто формирует ложные картины нашей мотивации, придавая мотиву вполне респектабельный образ (в соответствии с нашими ценностями и мировоззрением, а также под влиянием коммуникаций и социальных взаимодействий). Поэтому не следует сильно обольщаться по поводу волевой регуляции наших доминант, а целесообразнее делать акцент на поиске и анализе глубинных причин и доминант всей нашей мотивационной структуры, всего мотивационного

поля, определяющего направленность и поведение личности. В таком случае при верном понимании «движущих механизмов» наших устремлений, мы сможем избегать напрасных волевых усилий, которые могут деформировать и искажать нашу «Я-концепцию», направляя её по ложному пути, заставляя добиваться тех целей, которые уведут нас от истинного пути реализации своего индивидуально-социального потенциала. Проще говоря, при помощи одной волевой регуляции (без глубокого самоанализа мотивационной сферы личности) мы можем только «создавать себе трудности, а потом пытаться героически их преодолеть», чтобы впоследствии прийти к пониманию, что двигаться нужно было в совсем другую сторону, иногда совсем противоположную нашим изначальным устремлениям.

4.16. Можно сказать, что в современном научном сообществе, несмотря на широчайшее разнообразие взглядов и установок, доминирует идеализированное представление, которое хорошо выразила С.П. Мальчева: «Принцип доминанты: изучение человека, как единой функциональной системы, где высшим интегратором и регулятором действия разных уровней выступает доминирующая мотивация личности, в конечном счете держит в своей власти все поле нашей душевной жизни» [27].

Не трудно в этом фрагменте увидеть идеальную модель самоактуализированной личности А.Маслоу [28].

На этот счет можно сказать: «Суха теория, мой друг! А древо жизни пышно зеленеет...», - так говорили в античные времена, а позднее произнес поэт Гёте. Перефразируя на обыденный язык науки: в данном случае мы имеем классический образец идеализации, редукции и значительного искажения реальности. Интегральная доминанта, определяющая интегральную мотивацию и позволяющая держать под контролем «все поле нашей душевной жизни» - крайне редкое явление, как в науке, так и в повседневной жизни. Сознание, мировоззрение и нравственные ценности любой личности – это не застывшая форма, а постоянно бифуркирующий хаос доминант, желаний, мотивов и устремлений, и «все поле нашей

душевной жизни», как правило, скрыто от внешних взоров любопытствующих и исследующих («взыскующих истины»).

Более менее полноценно и адекватно это поле постигает только сама личность (индивидуум) путем целенаправленного самонаблюдения и самоанализа. И вполне естественно, что любой нормальный человек не станет «выворачивать наизнанку свою подноготную», потому как в каждом человеке, по образному выражению выдающегося психоаналитика Эриха Фромма: «Внутри каждого из нас живут и святой и преступник» [45]. Потому так сложно разобраться во взаимодействии психофизиологических доминант и мотивов, и тем более – выстроить идеальную интегральную мотивацию повседневной жизни любого человека.

5. Заключительные замечания

5.1. Доминанта в учении А.А. Ухтомского это, по-преимуществу, физиологический механизм (орган, система). Мы (А.В.) рассматриваем доминанту как конструкт и объяснительный принцип в психологии и философии. Точнее – как объяснительный принцип в структуре метода герменевтического микропсихоанализа, ориентированного на применение в комплексе гуманитарных наук.

5.2. Потенциал системного конструкта доминанты, исходный от учения о доминанте А.А. Ухтомского, чрезвычайно актуален для нашего социального времени («Большого антропоного перехода» [11] или «Большого антропоного заката» - А.В.), как в общенаучном, так и в социально-прикладном плане. В настоящее время идея конструкта доминанты, как психофизиологического и социально-психологического феномена нуждается в переосмыслении и дальнейшем развитии, с учетом реалий и достижений науки XXI века.

5.3. В первую очередь, в нейропсихологических и нейрогенетических исследованиях. Тема «скрытые структуры мозга» [29] сквозь призму конструкта доминанты (по А.Ухтомскому) может дать новый образ (модель) понимания функционирования нервной системы и головного мозга.

Такой же сильный эффект (если не больший) может дать применение конструкта доминанты в «поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания» [5]. На мой субъективный взгляд, доминанта может выступать как основной механизм функционирования гиперсетевой структуры мозга, если прояснить механизм функционирования «скрытых структур мозга».

5.4. Принцип доминанты А.Ухтомского дает прекрасный вариант объяснения амбивалентных чувств как борьбу и взаимодействие физиологических и психологических (в т.ч. и социальных) доминант (явных, скрытых, локальных, старых и вновь формирующихся) в процессе восприятия объекта и субъекта. Амбивалентность чувств может хорошо (замечательно) описываться моделями динамики доминанты, основанными на пространственно-временном измерении, как впрочем, этот принцип объяснения интуитивно давно используется в психоанализе, но часто весьма произвольно и крайне субъективно. «Согласно Фрейду амбивалентность чувств до определенных пределов вполне нормальна, но высокая степень её, несомненно, свидетельствует о невротизме» [36]. По отношению к амбивалентности чувств, нами предполагается (А.В.) вариант разработки серии схем или моделей, показывающих динамику функционирования доминанты сознания и поведения, основанную на взаимодействии сознательных и бессознательных импульсов и влияний (пока это лишь рабочая гипотеза, которую я попытаюсь продемонстрировать на схемах в одном из последующих очерков).

5.5. Проблема «рефлекса цели» (по И.П. Павлову – основная форма жизненной энергии каждого из нас) также нуждается в переосмыслении и переинтерпретации. Рефлекс цели не может быть постоянно действующей и абсолютной доминантой в поведении человека. Как и другие сильные доминанты (условные рефлексы) он может быть подвержен торможению, прерыванию и полной деградации в случае воздействия негативных экстремальных факторов социального плана, так и в случаях вытеснения другими доминантами, умаляющими или нейтрализующими рефлекс цели.

5.6. Одна из самых перспективных проблем: исследование доминанты (по Ухтомскому) и установки (по Узнадзе [41]). Изначально ясно, что установка не может формироваться при отсутствии решающей роли проявления различных доминант. Установка социальная – аттитюд – в такой же степени недостаточно осмыслена как результат взаимодействия сознательных и бессознательных доминант. Динамика функционирования аттитюда в решающей степени зависит от динамики взаимодействия доминант в психике и физиологии человека.

5.7. Психофизиологическая динамика доминанты в значительной степени формирует субъективную реальность. Можно предположить (как вариант) путь формирования состояний субъективной реальности:

- а) психофизиологическая реакция через ощущения порождает представление, образ;
- б) образ перерабатывается в символ;
- в) символ закрепляется и проявляется как алгоритм функционирования бессознательного;
- г) из подсознания извлекаемый алгоритм оформляется осознаваемым символом.

В итоге, субъективную реальность можно представить как гиперсеть алгоритмов, доминант, образов, символов, знаков, ценностных фильтров и социальных установок, определяющих основные параметры структуры и функций сознания.

5.8. Потребности и мотивы – в значительной или решающей степени есть синергетический результат динамики взаимодействия системы доминант.

5.9. Небезынтересной может оказаться проблема родства архетипов и доминант. Возможно рассматривать архетипы, как древние доминанты, погруженные в латентные слои подсознания и бессознательного.

5.10. Теория когнитивного диссонанса Л.Фестингера [43] может получить актуальную переинтерпретацию в контексте динамических

моделей системы доминант. Диссонанс как следствие взаимодействия актуальных, осознаваемых и бессознательных доминант, может оказывать свое стимулирующее воздействие на трансформацию и оптимизацию системы доминант.

5.11. Исходя из понимания мотивации как энергетической функции организма [26] можно рассматривать систему доминант организма (индивидуума) как базис или важнейший механизм нейроэнергетической системы человека (особенно, в контексте «скрытых звеньев мозговой системы» [29]).

5.12. Весьма перспективно рассмотрение функционирования системы доминант индивидуума в условиях изменения солнечной активности, вызывающей торможение центров высшей сознательной деятельности [46] и выдвижения на передний план древнейших инстинктивных реакций, обусловленных перемещением доминант в глубинные основания психофизиологической системы организма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абушенко В.Л. Понимание // Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. – С.531-532.
2. Адлер А. Очерки по индивидуальной психологии. Пер с нем. — М.: Когито-Центр, 2002. 218 с.
3. Адлер А. Понять природу человека. Пер. с нем. - СПб: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1997. 252 с.
4. Ананьев В.Н. Значение учения о доминанте академика Ухтомского в объяснении механизмов гипноза / В.Н. Ананьев // Тенденции развития науки и образования. – 2020. – №64–2. – С. 19–23.
5. Анохин К.В. Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 2021. Т. 71. № 1. С. 39-71.
6. Анохин П.К. Биология и нейрофизиология условного рефлекса. – М.: Медицина. 1968.
7. Бахтин М.М. Человек в мире слова. – М.: Изд-во Российского открытого ун-та. 1995. 140 с.
8. Бердяев Н. А. Собр. соч. : В 5 т. Т. 1 : Самопознание : Опыт философской автобиографии. 3-е изд. Париж : YMCA-Press, 1983. 420 с.
9. Биологическая кибернетика. Под ред. А.Б. Когана. Учеб. пособие для вузов. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Высш. школа, 1977. – 408 с.

10. Богданов А.А. Всеобщая организационная наука (Тектология). В 2-х частях. Ч. 1. - СПб.: Изд. М.И. Семенова, 1913. — 255 с.
11. Буданов В.Г., Аршинов В.И. Большой антропологический переход: методология сложностносетового мышления: монография/ В.Г.Буданов, В.И. Аршинов. – Курск.: ЗАО «Университетская книга», 2022. 129 с.
12. Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание. Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1988. – 507 с.
13. Винобер А.В. [Философские и социально-психологические аспекты герменевтического микропсихоанализа. Очерк второй. Спектральное многообразие](#) // Козволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. 2022, №4(20). С. 18-28.
14. Винобер А.В. [Система автодидактики В.А. Куринского в контексте герменевтического микропсихоанализа: матричное и графическое отображение дескриптивной семантики процесса познания](#) // Вестник Института развития ноосферы. 2022. 2(17). С. 29-50.
15. Винобер А.В. [Вольные философско-математические штудии. Очерк пятый. Основания математики в контексте исторического и герменевтического микропсихоанализа](#) / А.В. Винобер // Вестник Института развития ноосферы. 2022. №1(16). С. 31-47. С. 31-47.
16. Винобер А.В. [Философские и социально-психологические аспекты герменевтического микропсихоанализа. Очерк первый. Субъективное миропонимание](#) // Козволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. 2022. №3(19). С. 49-64.
17. Винобер А.В. [Герменевтический микропсихоанализ: общие положения и начало познания](#) // Козволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. 2022, №2(18). С. 5-12.
18. Гадамер Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. Пер. с нем. — Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. — М.: Прогресс, 1988. — 704 с.
19. Дильтей В. Собрание сочинений: в 6 томах / Пер. с нем под ред. В.В. Бибикина и Н. С. Плотникова. - Т. 3: Герменевтика и теория литературы. - М.: Три квадрата, 2001. 531 с.
20. Дубровский Д.И. Проблема «Сознание и мозг»: Теоретическое решение. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. 208 с.
21. Ионин Л.Г. Понимающая социология. Исторический и критический анализ. - М.: Наука, 1979. - 208 с.
22. Колесов Д.В. Эволюция психики и природа наркотизма. – М.: Педагогика. 1991. 312 с.
23. Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М., 1991. 192 с.
24. Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. / Т. Кун; Сост. В.Ю. Кузнецов. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. —605,
25. Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь, 2000. — 408 с.

26. Магомед-Эминов М.Ш. Трансформация личности. – М.: Психоналитическая ассоциация. 1998. 496 с.
27. Мальчева С.П. Учение о доминанте А.А. Ухтомского: значение для современной науки // Научно-техническое и экономическое сотрудничество стран АТР в XXI веке. – 2017. – Т. 1. – С. 335-341.
28. Маслоу А. Мотивация и личность. Перевод с англ. Татлыбаевой А. М. — СПб.: Евразия, 1999. 478 с.
29. Медведев С.В. Скрытые звенья мозговых систем / С.В. Медведев, А.Д. Коротков, М.В. Киреев // Физиология человека. 2019. Т. 45. № 5. С. 110-115.
30. Полани М. Личностное знание. Пер. с англ. — Под ред. В. А. Лекторского и В. И. Аршинова. – М.: Прогресс, 1985. – 343 с.
31. Райх В. Психология масс и фашизм. Пер. с англ. СПб.: Универ. книга, 1997. – 380 с.
32. Рикёр П. Герменевтика и психоанализ. Религия и вера. М.: Искусство, 1996. — 270 с.
33. Руткевич А.М. От Фрейда к Хайдеггеру. М.: Политиздат, 1985 .- 175 с.
34. Руткевич А.М. Психоаналитическое учение о символе и интерпретации. – Препринт WP6/2003/03. – М.: ГУ ВШЭ. 2003. 32 с.
35. Сафронов В.В. Рикер Поль // // Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скаун, 1998. С. 573-574.
36. Словарь практического психолога / Сост. С.Ю. Головин . -Минск: Харвест, 1998.
37. Словарь социально-гуманитарных терминов. Под ред. [Айзенштадт А. Л.](#) М.: Тесей. 1999. 320 с.
38. Сосланд А.И. Фундаментальная структура психотерапевтического метода, или как создать свою школу в психотерапии. М.: Московский городской психолого-педагогический университет, 2013 . — 368 с.
39. Ткаченко А. С., Иванов Д. О., Березкина Е. Н. Философско-антропологический аспект учения А. А. Ухтомского о доминанте // Педиатр. 2018. №3. С. 128-136.
40. [Тулмин Ст. Человеческое понимание.](#) Пер. с англ. М.: Прогресс, 1984.- 328 с.
41. Узнадзе Д. Психология установки. – СПб.: Питер, 2001. 416 с.
42. Ухтомский А.А. Доминанта. – СПб.: Питер. 2020. 512 с.
43. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. Пер. с англ. – СПб.: Ювента. 1999. 318 с.
44. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. Пер. с нем. – М.: Аст, 2007. – 621 с.
45. Фромм Э. Революция надежды. – СПб.: Ювента, 1999. – 245 с.
46. Чижевский А.Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелеотараксия. – М.: Мысль, 1995. – 766 с.
47. Шакурова А.Р. Учение о доминанте в приложении психофизиологического аспекта восприятия видеоинформации // Международный студенческий научный вестник. – 2016. – № 4. С. 256-258.

48. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. – М.: Прогресс, 1996. – 344 с.
49. Юнг К.Г. Приближаясь к бессознательному // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. Пер. с англ. и франц. — Сост. Л. И. Василенко и В. Е. Ермолаевой; введ. ст. Ю. А. Шрейдера. — М.: Прогресс, 1990.
50. Юнг К.Ш. Архетип и символ / Сост. и вступ. ст. А.М. Руткевича. – М.: Ренессанс, 1991. – 304 с.
51. Юнг К.Г. Синхронистичность. Сборник. Пер. с англ. М.: Рефл-бук. 1997. – 320 с.
-

A.V.Vinober

*«Siberia Land Congress» Biosphere and Agriculture Economies Support
and Development Fund, Irkutsk, Russia*

PHILOSOPHICAL AND SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF HERMENEUTICAL MICRPSYCHOANALYSIS. THE THIRD ESSAY. DOMINANT

The introduction is a subjective selection by the author of aphorisms and sayings used as tuning forks for the development of the theme of "Dominant" as a fundamental principle in the structure and functioning of the GMPA method. In the chapters "Hermeneutics" and "Psychoanalysis" the author outlines the range of his subjective understanding and perception of hermeneutics as a method of interpretation, and psychoanalysis as a scientific theory and socio-historical phenomenon. The chapter "Dominant" examines the doctrine of the dominant by A.A. Ukhtomsky from the standpoint of hermeneutical micropsychoanalysis. In the "Concluding Remarks", summing up the essay, the author notes that the dominant in the teachings of A.A. Ukhtomsky is primarily a physiological mechanism (organ, system), and we (A.V.) consider the dominant as a construct and explanatory principle in psychology and philosophy. More precisely, as an explanatory principle in the structure of the method of hermeneutical micropsychoanalysis, focused on application in the complex of humanities.

Keywords: the doctrine of the dominant, hermeneutical micropsychoanalysis, hermeneutics, psychoanalysis, psychology of science

Поступила в редакцию 2 октября 2024